

А. В. Фролова

УРАЛЬСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

(краткий историко-этнографический очерк)

В Российской империи в конце XIX — начале XX в. существовало 11 казачьих войск: Амурское, Астраханское, Забайкальское, Кубанское, Донское, Оренбургское, Семиреченское, Сибирское, Терское, Уральское, Уссурийское. Первое упоминание об Уральском (до 1775 г. — Яицком) казачестве относится к началу XVI в. В 1917 г. в Уральских строевых частях на действительной службе состояло 12 750 казаков. Уральских казачьих полков было 9, всего же в 11 казачьих войсках империи было 164 полка. В 1916 г. уральских казаков насчитывалось 166 тыс. человек¹.

Известная социальная обособленность и замкнутость уральских казаков породила своеобразие их самосознания, бытовых черт и общественного устройства. Немаловажную роль играло и то, что в большинстве своем они были старообрядцами. Их можно считать особой сословно-этнографической группой русского населения.

В исследовании уральского казачества с точки зрения этнографической науки представляется важнейшей разработкой таких проблем, как история его этнического и социального формирования, процесс проникновения в материальную и духовную культуру уральцев форм, присущих иноэтнической культуре. Нужно отметить, что эти вопросы до наших дней остаются практически не разработанными и литература по этой тематике небогата.

Многие историки дореволюционной России² в своих работах уделяли внимание казачеству, в том числе и уральскому, однако их описания ограничивались политической и военной историей. Тщательно фиксируя время появления казаков в той или иной местности, даты их походов и сражений, они исключали этнографическую сторону рассмотрения проблемы.

Для изучения истории уральского казачества, его социально-политической организации, этнического состава в XVI—XVIII вв. большую ценность представляют работы известного географа и этнографа П. И. Рычкова «Топографии Оренбургской губернии» и «История Оренбургская (1730—1750 гг.)»³. Это комплексные географические, политические и этнографические исследования. Труды П. И. Рычкова были закончены и опубликованы значительно раньше описаний академических экспедиций П. С. Палласа и И. Г. Георги (1768—1774 гг.)⁴ и во многом облегчили работу участникам этих экспедиций.

Определенные сведения об Уральском войске систематизировал в своей книге А. И. Левшин, дополнив их личными наблюдениями о быте, нравах и обычаях уральских казаков⁵.

Интерес к уральскому казачеству в российском обществе вновь проявился в середине XIX в. К этому времени можно отнести и всплеск уральской казачьей беллетристики. Труды Н. А. Бородина, А. Д. Рябинина, В. Н. Витевского, И. И. Железнова, А. Б. Карпова⁶ охватывают широкий круг вопросов по истории, географии, статистике, хозяйственной деятельности, религии, фольклору уральских казаков.

В советское время в произведениях об уральском казачестве в основном рассматривались вопросы классовой борьбы, социально-экономической дифференциации в среде казаков⁷, поднимались проблемы их истории в годы Октября и гражданской войны⁸. Эти работы включали определенные исторические и статистические данные, но в них полностью отсутствовал этнографический аспект. Единственная этнографическая работа по уральскому казачеству, охваты-

вающая период с 1917 по 1941 гг., — книга К. В. Данилевского⁹ — обвинялась в компликативности, хотя в ней содержался интереснейший этнографический и статистический материал.

Большой вклад в изучении «уходцев» (группа уральских казаков, высланных царским правительством на поселение в район р. Сырдарья и на острова Аральского моря, около 7000 человек) внесла известный этнограф Е. Э. Бломквист. В ее работах раскрыты характерные особенности культуры «уходцев», оторвавшихся от своих этнических корней — уральских казаков¹⁰. Следует также отметить исследования диалектологических экспедиций под руководством Н. М. Малечи, в которых уделялось серьезное внимание сбору этнографического материала¹¹.

Подъем научного интереса к проблемам казачества мы наблюдаем и в настоящее время. Изучение казачества вообще, и уральского в частности, сегодня приобрело особое значение в связи с возрождением культурных традиций, переосмыслением опыта прошлого, а также с возникновением и деятельностью общественных организаций, выступающих от имени казаков. Появляются новые, не опубликованные ранее (в СССР) материалы. Отметим книгу С. К. Сагнаевой¹², как комплексную работу, восполняющую пробел в этнографическом изучении уральского казачества.

Исследователи, рассматривавшие проблему заселения р. Урал (до 1775 г. — р. Яик), расходятся во мнениях по вопросу о первоначальном появлении русских в этих местах. Историки Оренбургского края (в него входила и земля Уральского казачьего войска) П. И. Рычков, А. И. Левшин, В. Н. Витевский¹³ утверждали, что русские пришли на р. Урал в конце XVI в. с р. Дон и это были донские казаки. Интересно, что сами уральские казаки категорически не соглашались с подобными выводами о своем происхождении. Они считали, что их войско, как и другие, наиболее древние, Донское, Терское, Волжское, образовалось самостоятельно¹⁴. По мнению же А. Б. Карпова, первоначальное появление русских на р. Урал следует отнести к 1520—1550 гг. и заселение произошло по течению реки сверху вниз, с Волги через ее левые притоки Самару и Иргиз, а не наоборот, снизу вверх, через Каспийское море, как считали историки Оренбургского края¹⁵. Н. М. Малеча разделял это мнение А. Б. Карпова и одновременно делал вывод, что основной приток населения на р. Урал шел из районов таких городов, как Самара, Арзамас, Муром, Симбирск, Москва¹⁶.

Этнический и социальный состав первых пришельцев, поселившихся на Яике, был далеко не однородным, хотя и с преобладанием в нем представителей славянских народов. В трудах И. Г. Георги, Н. С. Палласа, А. И. Левшина, Н. А. Бородина, И. И. Железнова и др. указывалось, что среди яицких казаков было много инородцев (так в старину называли представителей нерусских народов). У А. И. Левшина мы встречаем следующее: «...по происхождению они россияне, татары, калмыки и небольшое число окрестившихся и перемешавшихся с русскими туркменцев и персиян, которые вышли из плена киргизов, есть между ними... и крещеные киргизы»¹⁷. Яицкие казаки принимали в свои ряды и пленных, среди них встречались шведы, финны, поляки, немцы. В переписной книге полковника Захарова, составленной в 1723 г.¹⁸, упоминались практически все сословия и многие российские народы: московские и самарские стрельцы, симбирские пахотные и самарские служилые казаки, нижегородские и московские казенной слободы посадские люди, воронежские пушкарки, симбирские государевы неводчики, самарские дворяне, полтавские запорожцы, подьячие, инородцы Казанской, Астраханской губерний (татары, калмыки, вотяки, мордва, чуваша, киргизы). Особенно много в состав яицкого казачества вошло государственных, помещичьих, монастырских крестьян из Казанского, Нижегородского, Алатырского, Корсунского уездов. Это же подтвердил в своей работе и Н. М. Малеча, оговаривая тот факт, что в переписной книге указывалось имя, а вместо прозвища назывался город, место, где казак жил раньше, например «бренчанин, нижегородец, темниковец, арзамасец, москвитин и т. п.»¹⁹.

Смешанный этнический состав яицкого казачества наложил отпечаток на все

стороны жизни казаков. По данным переписи 1723 г., в Уральском казачьем войске к этому времени процент «инородцев» был особенно велик, так как никаких ограничений для принятия в казачество не существовало и в него могли записаться все пришлые группы населения, включая пленных. Постепенно доля нерусских среди уральских казаков снижалась, и по данным 1885 г. их этнический состав был таков (%): русские — 89, татары — 7, калмыки — 0,9, киргизы, казахи, поляки, башкиры и др. — 3,1²⁰.

Следует также отметить, что в состав Уральского казачьего войска помимо русских войсковых отделений входили иноэтничные, например башкирские, отделения. Принадлежа к военному званию, башкиры «отправляли» особую службу, заключающуюся в уборке улиц г. Уральска и исполнении «подводной и почтовой гоньбы»²¹.

Что касается смешанных браков среди уральских поселенцев, то они были характерны лишь для раннего этапа этнического формирования местных казаков. Это явление отразилось и на их антропологическом типе. И. Г. Георги, автор одного из ранних этнографических описаний России, отмечал близость в антропологическом отношении уральских казаков и татар, калмыков. Он писал, что «вид многих из них показывал смесь русской, калмыцкой, татарской крови»²². Позже, когда переселяться на р. Урал стали целыми семьями, казаки заключали браки только в своей среде. Этому способствовало и повсеместное распространение среди уральцев с XVIII в. старообрядчества. Как полагал Н. А. Бородин, казаки брали себе жен также из ближайших местностей, и прежде всего из Самары, где они сбывали свою рыбу и покупали хлеб²³.

Соседями уральских казаков были кочевые тюркские народы. До 1630 г. между Волгой и Уралом кочевали воинственные татары-ногайцы, с 1630 г. — многочисленные и столь же воинственные калмыки, с XVIII в. в степь пришли казахи. Именно казахи и стали затем постоянными беспокойными соседями уральцев²⁴. Заселение и освоение Яика проходило сравнительно медленно в основном из-за постоянно ведущихся столкновений с кочевниками.

Первая «служба» яицких казаков относится еще к 1591 г., времени, когда казаки официально еще не были подчинены русскому царю, но уже участвовали в военных походах Московского государства. Известие о первой службе казаков и считается официальным началом существования Яицкого казачьего войска²⁵.

Для сохранения поселений и дальнейшего освоения степи яицким казакам необходимо было иметь сильного покровителя. Казаки решили отправить посланцев в Москву бить челом от войска и просить владенной грамоты на Яик, благо само правительство вызывало представителей от казачьих обществ²⁶. Царь Михаил Федорович в 1613 г. принял представителей и дал им грамоту на «владение рекою Яиком с сущими при ней реки и притоки и со всеми угодыями от вершин той реки и до устья, с дозволением на житье вольным людям»²⁷.

Число яицких казаков быстро увеличивалось, хотя и не в той мере, как это происходило в других местах, например на Дону. На Яике были особые трудности: непрерывные стычки с татарами-ногайцами, калмыками, казахами мешали беглым крестьянам поставить свое хозяйство, заниматься земледелием. В 1723 г. яицких казаков с детьми было 6124 человек, к концу 30-х годов XIX в. — более 50 тыс.²⁸, а в 1878 г. — 113 тыс. человек²⁹.

Росту казачества вообще, в том числе и яицкого, всячески содействовало правительство, что было связано с заботой об укреплении южных и юго-восточных границ Русского государства, а затем и Российской империи. Правительство освобождало казаков (наравне с другими служилыми сословиями — дворянами, боярскими детьми и стрельцами) от всех повинностей, кроме военной. Оно не брало с них никаких податей, пошлин и государственных налогов, понимая важность и трудность их службы, их роль пограничной военной силы, необходимой государству.

С 1623 г. яицкие казаки состояли в ведомстве Посольского приказа, а с 1670 г. перешли в ведомство Казанского приказа³⁰. Подчинение не касалось внутреннего

строю и прав общины, а ограничивалось нарядами казаков на внутренние и внешние службы. К этому времени яицкие казаки представляли собой «вполне самостоятельную демократическую общину, устроившую свои общественные отношения по типу всех вольных казачьих общин»³¹.

На протяжении всей истории Яицкого (Уральского) казачьего войска главным органом власти в нем являлся круг. На кругу решались все важные вопросы казачьей жизни: выборы атамана, распределение жалованья, прием в казачье войско. Все взрослое население, способное носить оружие, присутствовало на кругу и имело право голоса. Войсковой атаман и его помощники — есаулы были лишь исполнителями воли казаков. Круг также выполнял и судебные функции. Преступными считались поступки, наносившие вред или общине в целом, или ее члену, например измена, трусость, воровство, убийство. Мерой наказания за эти преступления была смерть. Решения круга принимались простым большинством голосов.

Однако формальное равенство на собраниях круга не отражало действительных взаимоотношений казачества. К концу XVII в. из среды яицкого казачества выделилась группа зажиточных казаков, все более настойчиво захватывавшая в свои руки управление общиной. Этому также способствовали и действия правительства, которое ассигновало деньги на годовое жалование казакам в заведомо меньшем размере, чем это требовалось, что привело к выделению части уральцев, а именно «старых казаков», в привилегированную группу. Вероятно, эта была та часть казачества, которая впоследствии стала называться «старшиной». Старшину образовывали войсковые атаманы, атаманы в отставке, есаулы служилые, а также в отставке.

Кроме охраны своих границ от кочевников, яицкие казаки (наряду с другими войсками) должны были участвовать в войнах против общих врагов Российского государства. Так, яицкие казаки сражались в бою под Чигирином в 1683 г., были участниками в турецких и шведских походах 1696, 1701, 1704, 1707 гг.³²

До конца XVII в. служба яицких казаков царю являлась делом их доброго согласия. На кругу сообщалось о том, что царские власти призывают на службу, и на нее шли добровольцы. С 1680-х годов привлечение казаков на царскую службу участилось, а с начала XVIII в. — легло тяжелым бременем на их плечи.

В 1719 г. Яицкое казачье войско из Казанского приказа перешло в ведение Коллегии иностранных дел, а в 1721 г. — в ведение Военной коллегии. Эта перемена не касалась внутреннего устройства жизни казаков, но налагала на нее определенный правительственный контроль. В первой четверти XVIII в. продолжалось наступление правительства на жизненные интересы яицкого казачества; в первую очередь это касалось права на самоуправление и на прием и невыдачу беглых.

В XVIII столетии произошли коренные изменения в самоуправлении войска. Первые попытки реформ, связанных с устройством Яицкого войска, были предприняты при Петре I. С 1723 г. избранный казаками атаман стал утверждаться Военной коллегией. Роль войскового круга сводилась почти на нет; если в XVI—XVII вв. на кругу решались вопросы о зачислении в казаки, то в XVIII в. это делалось по распоряжению коллегии. После разгрома Пугачевского восстания (1773—1775 гг.), в котором казаки приняли активное участие, у казаков была отобрана артиллерия, р. Яик была переименована в р. Урал, а яицкие казаки стали называться уральскими.

К этому времени (1775 г.) относится завершение формирования уральского казачества как части военнослужилого сословия Российского государства. В дальнейшем выступления казаков, направленные против нововведений и ущемлений их прав, были тесно связаны с их приверженностью к старообрядчеству и облекались в форму защиты «старой веры».

В силу этого они оставались постоянным источником тревоги для правительства, хотя добросовестно выполняли свой долг по охране границ Родины.

На протяжении XVIII и XIX вв. они попеременно подчинялись то астраханскому, то оренбургскому губернатору. Затем, вплоть до 1917 г., уральцы, как и другие казачьи войска, подчинялись военному министру.

Уральские казаки принимали участие во всех военных операциях XIX — начала XX в. и считались одними из лучших в казачьих войсках Российской империи. Но только в наши дни стали публиковаться воспоминания офицеров высшего военного состава Уральского казачьего войска о службе казаков, которую они несли по охране строительства Китайско-Восточной железной дороги, об их участии в русско-японской войне, в первой мировой войне³³.

Обращение к страницам истории уральского казачества в период Октября и гражданской войны показывает, что уральцы испили горькую чашу до дна. Они оказались в центре военных событий своего региона и были полностью на стороне белой гвардии, что и определило их дальнейшие судьбы. Во время гражданской войны погиб и весь Войсковой архив уральских казаков.

В 1962 г. в зарубежной эмиграции оставалось так мало уральских казаков, что едва можно было насчитать во всех странах 100 человек, большинство из них жило во Франции и Австралии³⁴.

Политика расказачивания получила свое логическое завершение на Первом съезде трудового казачества в феврале 1920 г. Для лидеров советской власти казаки были «карательной силой царизма», «некультурным слоем населения»³⁵. Репрессивные, военные меры, нанесшие казачеству смертельные удары, завершились административными. Казачьи территории исчезали с карты страны. Исконно казачьи земли разделялись, передавались вновь образуемым автономиям и национальным республикам. Так, в 1920-х годах земли уральских, а также семиреченских казаков включались в состав сначала обширной Кара-Киргизской автономии, а в 1936 г. — новой Казахской ССР.

Уральские казаки, как и другие группы казаков, всегда отличались веротерпимостью к новопривывшим на р. Урал. В казаки принимали беглецов разных вероисповеданий. Здесь были православные и староверы различных толков, «татары исповедовали магометанскую веру, калмыки верили Далай Ламе»³⁶. Это в большей степени относится к раннему периоду истории формирования уральцев, а с XVIII в. все большее число казаков обращалось к старообрядчеству, или к расколу*. Увеличение численности казаков-старообрядцев в первую очередь было связано с увеличением потока беженцев-раскольников, прибывавших в то время на р. Урал.

Подавляющее большинство старообрядцев среди уральских казаков принадлежало к религиозным общинам так называемых поповцев и беспоповцев (первые принимали священнослужителей, вторые отвергали их)³⁷. Среди некоторой части казаков было заметно также влияние сектантов — духоборов и молокан³⁸.

Уральские раскольники и их скиты издавна находились в тесных контактах с Веткой и Стародубьем — центрами поповщины. Здесь уральские казаки искали себе истовых попов, душеспасения и разрешения вопросов веры. Позже более высокую репутацию у казаков-раскольников получили скиты, возникшие по рекам Большому и Малому Иргизу (северо-западная часть территории Уральского войска) и известные потом как Иргизские монастыри. Их появление было вызвано Сенатским указом 1762 г., в силу которого все бежавшие ранее в разное время за границу раскольники получали право на возвращение в Россию. В числе мест, избранных для поселения, правительством были указаны и реки Большой и Малый Иргиз³⁹. Сюда же затем переселились старообрядцы с Ветки и Стародубья.

Иргизские монастыри стали митрополей раскольнических скитов в Уральском войске. Они направляли их деятельность и поставляли им своих священнослужителей. На войсковой территории возникали новые скиты: Бударинский, Филаретовский, Садовый, два из которых (Бударинский и Садовый) просуще-

* Старообрядчество как религиозное направление на основе православия возникло после реформ патриарха Никона в 1654—1656 гг.

ствовали до 1917 г. В самом Уральске была построена старообрядческая Успенская часовня, которую посещали как рядовые казаки, так и казачья аристократия во главе с атаманом. Малочисленность православных храмов на территории Уральского войска (всего пять), полная зависимость духовенства в материальном отношении от войсковой администрации также немало способствовали укреплению старообрядчества на Урале⁴⁰.

Главную опору раскола в войске составляли старые казаки и отставные офицеры, причем особенно ревностными хранительницами «старой веры» были их жены. Многие историки, этнографы, бывавшие в то время у уральцев, отмечали, что уральские казаки не так упорны в своих религиозных убеждениях, как сектанты Центральной России. Отправляясь на внешнюю службу, казаки добровольно оставляли запреты, налагаемые принадлежностью к старой вере: курили, ели за одним столом с православными, не заглядывали в молельни, когда находились в раскольнических селениях, более того, посещали православные храмы, а некоторые брили бороду и усы, нюхали табак. Но когда наступало время возвращаться на родной Урал, казаки снова отпускали бороды, а те, кто курил или нюхал табак, бросали трубки и табакерки на общем Сырту, на границе своей земли, в межевые ямы. Что касалось молодого поколения, то случаи курения между молодыми людьми были весьма нередкими и на самом Урале. Жены казаков, остававшиеся на Урале, хорошо знали о поведении своих мужей и по возвращении казаков на родину «исправляли» их по-своему: казак, возвратившийся со службы, сначала ел и пил из особой посуды и только «по исправлении» его женой вступал во все права мужа как главы семейства⁴¹. Несмотря на все эти отступления, раскол упорно держался в Уральском войске. Защищая неприкосновенность старых обрядов, ратуя за двуперстный крест, а также и бороду, казаки тем самым отстаивали и свои права и привилегии, свободу и вольности, право распоряжаться собой и жить по своему усмотрению. Это желание обособиться и быть у себя дома полновластными хозяевами и делало старину и старую веру привлекательными для уральцев.

Уральское войско единственное в Российской империи до Октябрьской революции сохранило свой общинный строй и владело как общей землей, так и заповедной р. Урал, которая в пределах войска принадлежала только уральцам, и рыболовство на ней производилось исключительно уральскими казаками.

Землей каждая станица пользовалась по своему усмотрению, даже круг не мог вмешиваться в постановления станичных сходов. Единственной личной собственностью мог быть у уральского казака фруктовый сад, но, как правило, мало кто из станичников заводил эти сады. Казаки так ревниво оберегали право на владение общинной землей, что не хотели ни продавать ее, ни даже сдавать в аренду⁴².

Со времени появления казаков на р. Урал основой их хозяйственной жизни стало рыболовство. Это объясняется тем обстоятельством, что р. Урал и впадавшие в него малые реки буквально кишели ценной рыбой: белугой, осетром, сазаном. Именно Урал был главным экономическим источником жизни уральских казаков. Недаром в местном фольклоре много внимания уделено восхвалению Урала (Яика) — «Яикушки, сына Гориновича», кормильца и поильца, «золотого дна» для уральских казаков⁴³. Для уральцев р. Урал — то же, что для крестьянина черноземной полосы России земля-матушка.

Академик П. С. Паллас, побывавший в Уральском казачьем войске в 1782 г. во время своего путешествия по России, так характеризовал войсковое рыбное хозяйство: «Рыбная ловля нигде в России столь хорошо не распорядена и законами не ограничена, как в здешнем месте»⁴⁴. Лов рыбы у уральцев велся два сезона: зимой — багрение, весной и осенью — плавни. Видную роль в рыболовстве уральских казаков играл «учуг», временная решетчатая перегородка через р. Урал, которая сооружалась возле г. Уральска и обеспечивала скопление рыбы, в основном красной, в пространстве от учуга до устьев Урала. Это приспособление давало возможность, разбив реку на отдельные участки — «рубжи», вылавливать рыбу в несколько приемов. Зимой и весной учуг разбирался, а летом вновь устраивался.

Наиболее любимым способом рыбной ловли для уральцев было багрение. Практически все путешественники, историки, этнографы, побывавшие у уральцев в разное время, уделяли багрению особое внимание. У И. Г. Георги, П. С. Палласа, Н. А. Бородина, Л. И. Масянова и многих других есть отдельные рассказы, очерки, посвященные этому виду рыболовства. «Для казаков багрение было торжеством, настоящим праздником. Выезжали целыми станицами, всеми семьями. Казаки выстраивались на обоих берегах Урала длинным фронтом и ждали; около девяти часов утра специально назначенный „багренный атаман“ давал знак к началу багрения. Казаки выходили на лед и пешнями прорубали во льду небольшие проруби. Рыба, напуганная шумом, поднималась и шла подо льдом, но натыкалась на своем пути на багры. Первый день багрения по обычаю был особым, царским багрением. Царю в дар Войско отправляло по традиции весь этот улов»⁴⁵.

Кроме рыболовства немаловажным занятием казаков была охота. В зависимости от того, каким видом охоты занимался казак, он получал свое прозвище: *гулебицк* — охотник, занимающийся самой прибыльной охотой на крупного зверя: кабана, волка, лисицу, выдру; *сайгачник* — охотник на сайгака; *стрелок* — от названия ружейной охоты на гусей, уток; *собачник* — охотник, травивший зверей собаками — прозвище, унизительное для казака⁴⁶.

Хлебопашество на Яике появилось в начале XIX столетия, причем оно медленно распространялось с севера на юг. Главным препятствием для его быстрого развития были, во-первых, неплодородные почвы, во-вторых — постоянная угроза набегов кочевников, а также значительный доход, получаемый от продажи рыбы. Казаки имели возможность обойтись покупкой хлеба в г. Уральске, куда хлеб привозился из ближайших российских губерний. По наблюдениям П. С. Палласа, относящимся к 1762 г., пашен у уральских казаков не было⁴⁷. По данным А. И. Левшина на 1820—1821 гг., земледелие распространилось вниз по р. Уралу до г. Уральска⁴⁸. Он же отмечал, что системы в хлебопашестве у казаков нет. Главным земледельческим орудием у них был плуг, запрягаемый четырьмя или шестью волами или лошадьми; соха казаками употреблялась меньше, чем плуг. Сеяли в основном просо, овес, пшеницу⁴⁹.

Многие путешественники отмечали, что огородничество и бахчеводство у уральцев древнее и развито лучше, чем хлебопашество. Так, А. И. Левшин писал, что «овощи рождались здесь несравненно изобильнее и лучше хлеба, особенно огурцы и дыни»⁵⁰.

Значительная часть земель Уральского войска была пригодна для скотоводства, поэтому эта отрасль хозяйства получила значительное развитие (особенно овцеводство и коневодство). Пастухами в хозяйствах скотоводов были преимущественно казахи. От них уральские казаки заимствовали многие способы ухода за скотом.

Большое значение в жизни уральских казаков имела торговля. Это касалось в первую очередь продажи рыбы, доход от которой достигал ежегодно нескольких миллионов рублей⁵¹. На втором месте по доходам от торговли стояло скотоводство, главным образом, овцеводство. Казаки вели и большую посредническую торговлю через казахов, а также торговали с ближайшими российскими губерниями.

Наиболее распространенным видом поселения на Урале в первые годы его освоения и заселения были городки. Они представляли собой своеобразные крепости. Такой тип поселения был обусловлен военной необходимостью. Строились городки, как правило, по основной линии расселения казаков, по р. Урал. С уменьшением военной опасности и окончанием освоения войсковых земель основными населенными пунктами казаков стали поселки и станицы.

Исследователи, посещавшие территорию Уральского казачьего войска, констатировали, что у казаков встречалось два типа домов: деревянные и глиняные. «Дымных, черных изб уральцы не знают, кто бы, как бы беден ни был, печь у него всегда с трубой. Выше Уральска строения по форпостам и крепостям деревянные, к низу, по течению р. Урала, избы глиняные»⁵². Эту особенность отмечал и Н. М. Малеча: «В северной части войсковой территории дома делались деревянные, в

южной части, вследствие недостатка леса, — из „воздушного“ кирпича-сырца или саманного кирпича, который быстро твердел в сухом климате края. Крыши деревянных построек устраивались „гребешком“, т. е. были двускатные, или же устраивались „шатром“, т. е. четырехскатные, крыши же саманных построек большей частью были плоские, обмазанные глиной»⁵³. А. И. Левшин к своему рассказу добавлял такую интересную деталь, как «стесненность» планировки хозяйственных построек во дворах и в поселках⁵⁴, вызванную скорее недостатком удобной для этого площади.

Высокий уровень материальной обеспеченности уральских казаков проявился в повсеместном употреблении ими белого (пшеничного) хлеба. Хлеб этот назывался калачом. Следует отметить большое разнообразие видов хлебных изделий. Из кислого теста пекли все виды пирогов с рыбной, мясной, овощной, фруктовой начинкой.

Основой пищевого рациона уральских казаков, особенно в первое время их появления на р. Урал, была рыба и прежде всего такие блюда, как уха, рыбные пельмени, пироги, обмазанный глиной и запеченный целиком осетр.

В прошлом большое место в питании казаков занимали блюда из муки, заваренной в кипятке. Многие из этих блюд в качестве постной пищи дошли и до наших дней. Наиболее распространенной была джурьма, причем часто ее заправляли молоком. Молочные продукты были также важной частью пищевого рациона уральцев. «Технология» получения большинства кисломолочных продуктов была заимствована казаками из кухни кочевых народов региона. Заимствовались также и названия блюд: *арян* (кислое молоко с водой), *ремчук* и *сарсу* (продукты из кислого молока или сливок, получаемые после продолжительного кипячения в котле)⁵⁵, *каймак* — один из самых «почетных» молочных продуктов, который приготавливали, настаивая кипяченое молоко в печи⁵⁶.

Традиции приготовления овощных блюд, а также засолка овощей у уральцев были сходны с теми, которые существовали у русского населения России.

Подробно остановимся на одежде уральских казаков. Ряд историков и этнографов обращали внимание на консервативность их одежды⁵⁷. А. И. Левшин отмечал тот факт, что «одежда казаков совсем не воинственная. Синие военные мундиры носились ими только в походах. Дома любимое их платье — хивинский, бухарский шелковый полосатый халат, а также верблюжий армяк. Многие казаки ходили, подобно казахам и калмыкам, в ерчаках или дохах, сшитых из лошадиных кож шерстью наверх»⁵⁸.

Основу мужского костюма составляли рубаха и штаны. Покрой рубахи, которая иногда шилась с разноцветными «ластовицами» (кусочек ткани в виде ромба, который пришивался к пройме рубахи, под рукавом), напоминал азиатскую (туркскую) рубашку с прямым воротом и широким воротником. Кроме этого, рубаха шилась несколько длиннее русской («азиаты носили очень длинные рубахи»)⁵⁹. Штаны различали «верхние» и «нижние». «Верхние» называли чаще «шароварами», а «нижние» — «штанами»⁶⁰.

Верхняя мужская одежда уральских казаков в прошлом была очень разнообразна. Основными ее видами были армяк, чапан, тулуп, шуба, доха, бешмет, халат, куртка, пальто и др.

Тулупы шили из овчины, их кроили с большим запасом, без карманов и пуговиц, подпоясывали кушаком. Чекмень представлял собой скорее всего заимствование из традиционной одежды казахов, татар и др.: кроился по типу халата, надевался поверх бешмета. Бешмет был одним из самых популярных видов верхней одежды уральских казаков. Его кроили прямым спереди, с отрезной спинкой и пришитыми клиньями сзади. Во второй половине XIX в. бешмет, как и чекмень, постепенно стал исчезать из обихода. Зипун, как и предшествовавший ему армяк, кроился с прямой спинкой и клиньями по бокам. Его делали широким и длинным, с шалевым воротником. В первой половине XIX в. у казаков имелся и нарядный зипун — «малинового сукна, обшитый по вороту и у рукавов узким золотым галуном»⁶¹.

Халат как верхняя одежда был известен казакам еще с XVII в. Кроился он с боковыми клиньями, широкими рукавами и шалевидным воротником. Как и вся верхняя одежда, он запахивался на левую сторону. Интересно суждение одного из писателей по поводу распространения у казаков халата как повседневной одежды. Автор (к сожалению, его очерк в «Уральских ведомостях» был анонимным) считал, что халат появился у первооселенцев на р. Яик как добыча, полученная в результате ограбления одного персидского каравана, и оказался как нельзя кстати, так как «у казаков доносились их рубища. Потом при развившейся оседлости халаты продолжали носить по привычке, с той разницей, что они приобретались не разбоем, а меной или покупкой»⁶².

В конце XIX — начале XX в. в качестве повседневной и праздничной широкое распространение получила одежда фабричного производства.

Из головных уборов в старину наиболее употребимы были шапки с широким бархатным околышем и высоким остроконечным верхом, который делался из малинового бархата и обшивался узким золотым галуном. По мнению некоторых этнографов, эта форма головного убора носила отпечаток влияния азиатского (скорее тюркского) стиля, например «сходство с персидской конусообразной шапкой»⁶³.

Казачьи форменные «папахи», «мерлушки», появившиеся гораздо позже и выделявшиеся своим щегольским видом, носили не только служилые, но и отставные казаки и «малолетки».

Рассматривая обувь казаков, нужно остановиться на том, что именно этот элемент одежды был полностью и практически без изменений заимствован у кочевников (казахов, киргизов, калмыков). Это относится к *ичигам* (сапоги, сшитые из кусочков сафьяна), которые употреблялись казаками в домашнем быту и шились из кож разных цветов, причем часто перед и оторочка голенища были алого цвета, а все остальное — черного.

Что касается формы одежды уральских казаков в более позднее время (имеются в виду первые десятилетия XX в.), то мужской костюм претерпел некоторые изменения, хотя в целом остался прежним. В северной части войсковой территории, где влияние соседнего русскоязычного населения было более заметным, встречались и старые русские виды одежды, как, например, армяк или лапти. В средней и южной полосе — полнейшее разнообразие как в головных уборах, так и в других деталях одежды. Кроме старинного малахая, который позже стали называть треухом, были и татарские шапки, и военные фуражки всех образцов. Благодаря тому, что казаки покупали форму за свой счет, мундиры играли немаловажную роль в их быту. Отслуживший свой срок мундир переходил в повседневное домашнее употребление⁶⁴.

Таким образом, в традиционной мужской одежде уральского казака проявилась специфика, обусловленная военной службой и образом жизни. Кроме того, в ней своеобразно переплелись восточнославянские традиции и заимствования из одежды кочевых тюркоязычных народов региона.

Поскольку военная форма установленного образца в Уральском войске получила распространение достаточно поздно, то казаки еще в середине XIX в. являлись на службе в своих зипунах, бешметах, халатах.

Переходя к рассмотрению одежды уральских казачек, нужно сказать, что у них устойчиво сохранился старинный русский костюм. Влияние тюркского элемента в нем было незначительным. Одно из объяснений этого факта скорее всего в том, что именно женский костюм наиболее консервативен в плане заимствований, тем более, что женщины мало общались с кочевниками⁶⁵.

Сарафан с рубахой был основным видом одежды уральских казачек в XVII — первой половине XIX в. Начиная со второй половины XIX в. широкое распространение получила городская одежда. Сначала — юбка с кофтой, затем — платье. Сарафан выкраивался в виде полукруга из трех горизонтально сшитых полотнищ. В середине верхней части вырезалась горловина, чуть ниже, по бокам, — проймы. Такой сарафан в прошлом среди уральских казачек назывался сарафаном «в

перекат»⁶⁶. Верх спинки сарафана собирался в несколько крупных встречных складок. На сарафан нашивался ряд высоких золотых или серебряных пуговиц, их число в зависимости от роста колебалось от 16 до 19. Шили сарафан из парчи и других дорогих тканей. Подобный сарафан «в перекал» стоил недешево, и не каждая семья могла позволить себе приобрести такой наряд. Другим типом сарафана, широко известным у казаков, был косоклинный сарафан — «сарафан с боками»⁶⁷.

Основным типом рубахи уральской казачки была рубаха с плечевыми вставками («выставками»). Покрой ее был таков: к полотняному стану рубахи пришивались широкие в плечах и зауженные у кисти рукава, «выставки» которых всегда делались другого, более яркого цвета, чем рукава, и отделялись от них широким золотым или серебряным галуном. Этот тип рубахи, так же, как и перечисленные виды сарафанов, преобладал и у русского населения Северной и Центральной России.

Надев рубаху, казачка очень высоко, почти у самой груди, подпоясывалась узким плетеным шнурком. Надетый на рубаху сарафан подпоясывался в свою очередь поясом из крученого шелка. Поверх сарафана надевалась распашная фуфайка из парчи, часто шитая золотом, круглый воротник фуфайки и ее подол обшивались галуном. Фуфайка не имела рукавов и представляла собой полукруглую накидку. В зимнее время фуфайка заменялась шубейкой, довольно короткой. Старинная распашная одежда бытовала до середины XIX в., затем, по словам И. И. Железнова, она была заменена «шубками, кацавейками, салопами»⁶⁸.

Влияние тюркского костюма проявилось в женской обуви. Казачки носили так называемые *чарыки* — род туфель, передняя часть которых была вышита золотом или серебром. Под чарыки надевали чулки, чаще всего синего цвета.

Главной убор замужней женщины-казачки представлял собой сложный комплекс. Сохранившиеся описания не позволяют представить достаточно точно его частей, тем более что к XIX в. он сильно трансформировался. Основными частями женского головного убора уральской казачки в XIX в. были: *сорока*, *волосник* и платок. Волосник представлял собой круглую шапочку из хлопчатобумажной ткани темного цвета. Перед сороки, называемый *налобником*, вышивался жемчугом, а в богатых семьях и драгоценными камнями. А. И. Левшин отмечал, что «сорока составляла первое и самое драгоценное имущество уральской казачки и иметь ее без жемчуга считалось позором»⁶⁹.

Для того чтобы *сорока* хорошо сидела на голове, волосы заплетали в две косы и обвивали ими голову; потом на эту прическу надевался волосник, сделанный из плотного материала, затем — сорока. Сверху повязывали длинный кисейный платок, концы которого завязывали под горлом. Интересно, что в заметках П. С. Палласа (путешествие 1762 г.) такого описания женского костюма и головного убора нет. Он писал, что женщины на Яике «носили на голове чепцы, торчащие вверх, с круглой и плоской крышкой»⁷⁰. Описание «сороки» присутствует в работах авторов, посещавших Яик в более позднее время (XIX — начало XX в.).

Головной убор девушки отличался своеобразием: волосы заплетались в одну косу, к концу которой прикреплялась довольно массивная золотая кисть. Сзади головы привязывалась *лопасть*, имевшая форму трапеции, узкая сторона ее имела выемку, которая охватывала затылок. С наружной стороны лопасть обшивалась разноцветными лоскутками материи. Отверстие в середине лопасти, через которое продевалась коса, называлось *подзориной*, а место, на котором лежала прикрепленная к ней кисть, — *подкистником*. Лоб девушки украшался *поднизкой*, т. е. снизанной из более или менее крупного жемчуга сеткой, прикрепленной к золотому галуно, который и обвязывалась голова. Со второй половины XIX в. лопасти вышли из употребления. Основным головным убором девушки стала перевязка — широкая лента или шарф, которые обвязывались вокруг головы⁷¹. Сравнительно высокая материальная обеспеченность уральского казачества проявилась и в том, что даже средняя семья могла похвастаться обилием в доме различных платков, косынок, шалей. Девушки и женщины носили платки более светлых тонов, старые женщины предпочитали темные.

Зажиточность уральских казаков ускорила распространение городской одежды, но наряду с ней в качестве праздничного, моельного, свадебного наряда стойко сохранялась старинная одежда. Е. Э. Бломквист, посетившая в 1943—1945 гг. «уходцев» в составе экспедиции Института этнографии АН СССР, подтвердила это, отмечая, что казаки продолжали сохранять в чистоте свою речь и что у них еще бытовали шелковые сарафаны, волосники и даже сороки⁷².

В языке уральских казаков, как и в одежде, имелась своя специфика. Некоторые исследователи относят процесс ее формирования к началу XVIII в.⁷³ Сначала говоры поселенцев представляли довольно пеструю картину, так как носители этих говоров были выходцами из многих районов России, но впоследствии сформировался единый говор, который отличал уральских казаков от живущего рядом русскоязычного населения. У казаков в речи преобладало южнорусское аканье, а также типичной чертой уральского говора считалось употребление *-ж-* и *-ш-* вместо *-з-* и *-с-*: «шкажать», «шичаш»; часто заменялись звуком *-и-* начальные *-а-* и *-о-*: «игурец», «игород», буква «г» произносилась почти по-московски. Интересно, что говор уральской казачки несколько отличался от говора мужчин-казаков: женщины пришепывали и цокали (выговаривали вместо *-ч-* звук *-ц-*: «цево», «целовек»). Большая часть уральцев, особенно те, кто вел постоянную торговлю со степью, говорили по-казахски очень чисто и бегло. Многие авторы (И. И. Железнов, А. Д. Рябинин, Н. М. Малеча и др.) указывали на обилие тюркизмов в языке уральских казаков, особенно в названиях орудий труда, одежды, пищи.

Подводя итог, можно выделить ряд характерных особенностей в культуре уральских казаков. Сословная замкнутость казачества, общинный уклад, приверженность старообрядчеству препятствовали «размыванию» культурных традиций внешними факторами, благодаря чему в культуре уральцев сохранились архаические черты. Это в первую очередь касалось женской одежды, приемов рыбной ловли и т. п. Однако присутствовали и элементы заимствований из культур тюркских кочевых народов. В наибольшей степени это проявилось в мужской одежде, в приемах ухода за скотом, способах приготовления пищи, а также в речи казаков.

На протяжении нескольких веков (с конца XVI по XVIII в.) в районе р. Урал происходило формирование социально-этнографической группы русского населения — уральского (яицкого) казачества.

В этнической истории уральского казачества условно можно выделить два этапа: первый с XVI в. до начала XVIII в. и второй с начала XVIII в.

Казачья вольница на Урале отличалась этнической и социальной неоднородностью. Хотя здесь были выходцы из разных регионов, среди казаков преобладали русские из центральных районов России и Поволжья.

В состав уральского казачества на раннем этапе его формирования помимо русских вливались также татары, калмыки, башкиры, туркмены, чуваша, мордва и др. Для этого этапа были характерны и смешанные браки. В более поздний период это явление отсутствует, чему немало способствовало и распространившееся среди казаков старообрядчество, по устоям которого было нельзя вступать в брак с инаковерующими.

Специфика этнокультурного облика уральского казачества в значительной степени определялась участием в его формировании нерусских народов. Среди них следует выделить татар и казахов, влияние культур которых прослеживается в одежде, пище, языке. Несмотря на это, казаки остались по своему самосознанию и культуре частью русского народа, его своеобразной сословно-этнографической группой.

Примечания

- ¹ *Машин М. Д.* Оренбургское и Уральское казачество в гражданской войне. М., 1984. С. 3.
 - ² *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 9. СПб., 1821; *Ключевский В. О.* Соч. Т. 8, 9. М., 1957; *Быкадоров И. Ф.* История казачества//Альманах «Казачий круг». № 2. М., 1991 и др.
 - ³ *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии, сочинения П. И. Рычкова 1762 г. Оренбург, 1887; *его же.* История Оренбургская (1730—1750 гг.). Оренбург, 1896.
 - ⁴ *Паллас П. С.* Путешествие по разным частям Российской империи. СПб., 1786. Ч. 1—3; *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, забав, вероисповеданий. СПб., 1799.
 - ⁵ *Левшин А. И.* Историческое и статическое обозрение уральских казаков. СПб., 1823.
 - ⁶ *Бородин Н. А.* Уральское казачье войско. Уральск, 1891; *его же.* Статистический атлас Уральского казачьего войска. СПб., 1885; *Витевский В. Н.* Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военно-гражданской власти. Казань, 1878; *Рябинин А. Д.* Уральское казачье войско. СПб., 1866; *Карпов А. Б.* Уральцы. Уральск, 1911; *Железнов И. И.* Уральцы. Исторические очерки быта уральских казаков. Уральск, 1888.
 - ⁷ *Дариенко В. Н.* Классовая борьба на Яике в XVII—XVIII вв. М., 1966; *Кушева Е. Н.* Яицкое казачество. М., 1955 и др.
 - ⁸ *Футорянский Л. И.* Казачество в период Октября и гражданской войны. М., 1968; *Рознер И. Г.* Яик перед бурей. М., 1966; *его же.* Казачество в крестьянской войне 1773—1775 гг. Львов, 1966; *Машин М. Д.* Оренбургское и Уральское казачество в гражданской войне. М., 1984.
 - ⁹ *Данилевский К. В.* Урало-каспийский край. Оренбург, 1927.
 - ¹⁰ *Бломквист Е. Э.* Этнографическая работа среди уральцев. М., 1947.
 - ¹¹ *Малеча Н. М.* Уральские казаки и их диалект. Уральск, 1956.
 - ¹² *Сагаева С. К.* Материальная культура уральского казачества конца XIX — начала XX в. (развитие этнических традиций)//Российский этнограф. Вып. 11. М., 1993.
 - ¹³ *Рычков П. И.* Указ. раб. С. 65; *Левшин А. И.* Указ. раб. С. 46; *Витевский В. Н.* Указ. раб. С. 9.
 - ¹⁴ *Масянов Л. И.* Гибель Уральского казачьего войска//Альманах «Казачий круг». № 1. М., 1991.
- С. 9.
- ¹⁵ *Карпов А. Б.* Указ. раб. Ч. 1. С. 64.
 - ¹⁶ *Малеча Н. М.* Указ. раб. С. 260—262.
 - ¹⁷ *Левшин А. И.* Указ. раб. С. 48.
 - ¹⁸ Данные из переписной книги полковника Захарова приводятся в сочинениях: *Витевский В. Н.* Раскол в Уральском казачьем войске.; *Малеча Н. М.* Уральские казаки и их диалект...
 - ¹⁹ *Малеча Н. М.* Указ. раб. С. 260—262.
 - ²⁰ *Бородин Н. А.* Указ. раб. С. 138—140.
 - ²¹ *Железнов И. И.* Указ. раб. Ч. 1. С. 229.
 - ²² *Георги И. Г.* Указ. раб. Ч. 1. С. 204.
 - ²³ *Бородин Н. А.* Указ. раб. С. 125.
 - ²⁴ *Неводничанский Ф. Н.* Материалы к выяснению взаимоотношений уральских казаков и киргиз-кайсаков. СПб., 1907. С. 4.
 - ²⁵ *Железнов И. И.* Указ. раб. С. 31.
 - ²⁶ *Рябинин А. Д.* Указ. раб. С. 323.
 - ²⁷ *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 70.
 - ²⁸ *Бородин Н. А.* Указ. раб. С. 4.
 - ²⁹ *Малеча Н. М.* Указ. раб. С. 265.
 - ³⁰ *Рябинин А. Д.* Указ. раб. С. 159.
 - ³¹ *Бородин Н. А.* Указ. раб. С. 4.
 - ³² *Рябинин А. Д.* Указ. раб. С. 28.
 - ³³ *Хагондоков К. Н.* Уральцы на охране Китайско-восточной железной дороги//Альманах «Казачий круг». № 1. М., 1991. С. 15—28; *его же.* Уральцы на русско-японской войне//Там же. С. 28—39; *Масянов Л. И.* Гибель Уральского казачьего войска//Там же. С. 1—64.
 - ³⁴ *Масянов Л. И.* Указ. раб. С. 64.
 - ³⁵ *Седов А. В.* Несчастье казаков...//Альманах «Казачий круг». № 2. М., 1991. С. 53.
 - ³⁶ *Левшин А. И.* Указ. раб. С. 49.
 - ³⁷ *Никольский Н. М.* История русской церкви. М., 1983. С. 253.
 - ³⁸ *Витевский В. Н.* Указ. раб. С. 2.
 - ³⁹ Там же. С. 12.
 - ⁴⁰ Там же. С. 221.
 - ⁴¹ Там же. С. 3—6.
 - ⁴² *Масянов Л. И.* Указ. раб. С. 7.
 - ⁴³ *Коротин Е.* Фольклор яицких казаков. Алма-Ата, 1981. С. 32.
 - ⁴⁴ *Паллас П. И.* Указ. раб. Ч. 1. С. 403.
 - ⁴⁵ *Масянов Л. И.* Указ. раб. С. 9.
 - ⁴⁶ *Железнов И. И.* Указ. раб. С. 155.
 - ⁴⁷ *Паллас П. С.* Указ. раб. С. 414.
 - ⁴⁸ *Левшин А. И.* Указ. раб. С. 41.
 - ⁴⁹ Там же. С. 53.
 - ⁵⁰ Там же. С. 54.
 - ⁵¹ *Малеча Н. М.* Указ. раб. С. 275.

- ⁵² Левшин А. И. Указ. раб. С. 52.
⁵³ Малеча Н. М. Указ. раб. С. 279.
⁵⁴ Левшин А. И. Указ. раб. С. 52.
⁵⁵ Малеча Н. М. Указ. раб. С. 279.
⁵⁶ Сагнаева С. К. Указ. раб. С. 109.
⁵⁷ Витевский В. Н. Указ. раб. С. 54.
⁵⁸ Левшин А. И. Указ. раб. С. 77.
⁵⁹ Заметки о народном быте и одежде уральских казаков. Б.м., 1866. С. 8—9.
⁶⁰ Сагнаева С. К. Указ. раб. С. 167.
⁶¹ Заметки о народном быте ... С. 7.
⁶² Там же. С. 6.
⁶³ Там же. С. 8.
⁶⁴ Там же. С. 9.
⁶⁵ Там же. С. 16; Витевский В. Н. Указ. раб. С. 18.
⁶⁶ Сагнаева С. К. Указ. раб. С. 152.
⁶⁷ Там же. С. 153.
⁶⁸ Железнов И. И. Указ. раб. Ч. 2. С. 384.
⁶⁹ Левшин А. И. Указ. раб. С. 77.
⁷⁰ Паллас П. С. Указ. раб. С. 416.
⁷¹ Сагнаева С. К. Указ. раб. С. 159.
⁷² Бломквист Е. Э. Указ. раб. С. 52—54.
⁷³ Малеча Н. М. Указ. раб. С. 271.

The Urals Cossacks (A short outline of their history and ethnography)

Given the current revival of cultural traditions and rethinking of the past, Cossack studies have acquired special importance. Formation of Cossack ethnicity, social processes among the Cossacks, adoption by their material culture of foreign elements are examined in the article.